Вазиф Сиражутдинович Мейланов

Анализ чеченского кризиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160985

Содержание

Предисловие к «Анализу чеченского кризиса» издания 1998 года 3
14 ноября 1998 года 14
3 октября 1999 года 21
АНАЛИЗ ЧЕЧЕНСКОГО КРИЗИСА 27
Введение 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Вазиф Сиражутдинович Мейланов
Анализ чеченского кризиса

Предисловие к «Анализу чеченского кризиса» издания 1998 года

Я посчитал для себя необходимым высказаться о Чеченской войне, потому что все официальные и неофициальные учителя России и мира стали на сторону чеченских националистов, чеченских национал-освободителей, чеченских национал-революционеров, а я именно их (национал-освободителей) считал неправой стороной.

Потому что на сторону врагов человечности перешли все средства массовой информации России и мира.

Потому что уже и народы, привыкшие за семьдесят лет послушно повторять то, что им вкладывают в голову газета и телевидение, заговорили о «странной», о «непонятной» и даже преступной и аморальной, со стороны России, войне в Чечне.

Опять, как в семидесятые годы, в российских газетах, на телевидении, но в отличие от семидесятых, с добавлением

в ту же компанию «правозащитников», «моральных оппозиционеров» семидесятых годов, свободного радио «Свобода», свободной газеты «Русская мысль», учителей демократии из Совета Европы и т п., установилось полное единомыслие и единогласие: «имперская Россия опять, как в былые времена, стремится грубой силой подавить, а пожалуй что и уничтожить свободолюбивый чеченский народ, ведомый бескорыстными, благородными борцами за свободу».

Я начал писать и сразу увидел, что одной статьей и одним выступлением вала лжи, а то и добросовестных ошибок, не одолеешь. Нужно одолевать саму национально-освободительную идеологию, национально-освободительную мораль, нужно сегодняшние события взять в контексте истории, на несколько веков вглубь.

Нужен системный анализ, нужен ответ на все аргументы защитников национально-освободительных войн, нужно встать против правозащитников, оправдывающих применение оружия национал-освободителями, *правозащитников, гнущих Закон в помощь взявшимся за оружие освободителям.*

Первую часть я закончил в ноябре 1995-го. Передал ее для публикации в дагестанский еженедельник «Новое дело». Главный редактор начал выставлять мне свои возражения, которые не показались мне серьезными. Я ответил: «Послушай, ну почему я должен каждому из вас разъяснять свою теорию индивидуально? У нас ведь вроде бы свобода слова.

Делай свое дело: приступай к печатанию в выпусках газеты моей работы. Возражения? А ты публикуй их, если хочешь, в тех же или в других номерах своей газеты». На это предложение Далгат Ахмедханов выставил новый довод: стиль у меня не газетный, он больше подойдет для научного журнала. – А я не хочу в научный журнал! Я хочу дать знать народу свою точку зрения. – Вазиф, ну не могу я эту работу напечатать.

Его заместитель прочитал работу и говорит мне: «Для нас было бы большой честью напечатать вашу работу, но у нас открытая граница с Чечней, нам уже угрожают, мы боимся…» Ощутили, значит, дыхание чеченской свободы.

Вот и ответ Анатолию Соловьеву на его вопрос мне в «Новом деле»: почему молчит Вазиф Мейланов? – Потому что он не молчит. Молчит газета, в редакцию которой входит А.Соловьев, о позиции Вазифа Мейланова.

Несколько экземпляров «Анализа Чеченской войны», доставленных в начале 1996 года в Москву В.Барончуком, были разобраны членами думской фракции «Демократический выбор России».

Я решил послать работу в немецкий журнал «Фокус», выходящий в Москве на русском языке. Тот же фокус с «Фокусом». – Мы аналитических работ не берем. – Неправда. В «Новом деле» опубликован отрывок из вашей (Беттины Зейдлинг) статьи в «Фокусе», и этот отрывок аналитичен. – О-о! «Новое дело» нас печатает! Это прекрасно! Но, простите

нас, вашу работу мы напечатать не можем.

Мне пояснений не требуется: немецкий министр иностранных дел Кинкель горой стоит за чеченских борцов за свободу и, надо полагать, демократию (я улыбаюсь).

Я посылаю в январе 96-го работу Ельцину, чтоб объяснить ему смысл введения войск в Чечню: установление торжества Закона в стране. Он (т е. его канцелярия, за которую он несет ответственность) отправляет мою работу в аналитический центр Эмилю Паину, насмерть перепуганному стороннику «гроздий переговоров».

Я понимаю, что опубликовать ее должен я сам. И я решаю «себе во благо обратить дурное»: я должен объяснить мой анализ Чеченских событий моею философией, сложившейся и двадцать, и тридцать лет назад, моими выступлениями в печати и на телевидении, моим анализом фундаментальных понятий: свобода, суверенитет, Закон, ныне действующая мораль, демократия, нынешние демократы, преступность, государство и демократия, честность и экономика, кто лучшие, как формируется социальная пирамида сегодня и как она должна формироваться.

Я решаю, что эти идеи ценны еще и тем, что не конъюнктурны: они высказаны мною первым, до войны, до Чечни. Именно потому они, на мой взгляд, оказались удивительно приложимы к предсказанным мною и последовавшим событиям.

Собранные в этой книге тексты – не просто мысли, это по-

литические действия, совершавшиеся в течение десяти лет: речи в парламенте и университете, на площади и на поляне близ Хасавюрта, разговоры на улице и ответы в газете, заметки на полях жизни общества и официальные обращения к законодателям.

Я считал себя обязанным издать эту книгу еще и потому, что все в ней сказанное, считал я, имел право сказать только я: критиковать номенклатурную демократию наибольшее право имел человек, предпочитавший называть себя не демократом, а человеком, – действовавший в равных со всеми внешних условиях. Уже тогда, в семидесятых и восьмидесятых, политзаключенные занялись тем, чем потом, в девяностые годы, прославились демократы, пришедшие во власть – устроением личных демократических карьер, а не достижением общественно-значимого результата. Критиковать тех и других наибольшее моральное право имею я.

Я один не написал заявления, ставившегося, в 1987 году, компартией СССР необходимым условием досрочного освобождения политзаключенных. Поэтому я один имел моральное право предъявить счет компартии за её преступления и потребовать Нового Нюрнберга над преступным коммунистическим государством.

Я один имел право и потому считал себя обязанным им воспользоваться.

Опять, как в 1990 году, я увидел, что во всех своих работах я куда меньше спорю с коммунистами (эта идеология

уже отходит и отойдет), чем с демократами, думаю, что это правильно: *надо спорить с и поправлять, в первую очередь, правящую идеологию*, как правоохранительным органам, в первую очередь, надо поправлять себя самих.

Я понимаю, что главное в моей работе – критика российской демократии, я понимаю, что моему опыту расхождения с нынешней демократией время быть собрану и стать достоянием гласности.

В 1977-м году И.Шафаревич (в ходе первого и последнего моего разговора с ним) обратил мое внимание на то, что человечество умалчивает и покрывает преступления левых, тогда как по поводу в тысячу раз меньших преступлений правых поднимает страшный крик. На мой взгляд, причина этого явления в том, что левые мостят дорогу в ад*благими* намерениями, и слабая часть рода человеческого, не допуская самой возможности обмана, уступает, левые обольщают добром, правые обольщают злом, культом силы и насилия – в этом случае зло не стесняется, и картинами такой жизни обольщается намного меньшая часть человечества. Под левыми в разговоре понимались большевики и полпотовцы, под правыми – Пиночет. Я отвечал Шафаревичу идеей мировой свободы слова, которая позволит исправлять ошибки человечества.

Я и сегодня считаю эту идею верной, но сегодня я вижу, что не все просто с установлением мировой свободы слова: сегодня больше всего препятствуют свободе слова демокра-

ты, они обманывают мировое общественное мнение точно так же, как его обманывали большевики – добром, благом, интересами народа, демократии, свободы, человечества. Во имя этих высоких целей можно позволять брать в заложники женщин, детей, больных, да просто мирных жителей, можно позволять создавать освободительные армии, можно позволять войной перекраивать границы.

Новые большевики, новые учителя человечества – бонэр, ковалевы, григорьянцы, новодворские, старовойтовы, юшенковы, гинзбурги, шустеры, тольцы сегодня разрушают свободу слова, не давая слышать своих идейных противников. На время чеченской войны демократы захватили почту, телеграф, типографии, газеты, радио: российское радио, парижская «Русская мысль», радио «Свобода», газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Общая газета», «Новая газета»… вся демократическая печать, все программы телевидения были за чеченцев-дудаевцев. Противнику блока демократов, дудаевцев и коммунистов печататься, как в 70-е годы, было негде. Такую мировую свободу слова устроили борцы за свободу слова.

Нынешние демократы дискутируют только с теми, с кем полегче – макашовыми-зюгановыми, а с теми, кто выше их, действуют по-сталински: в чьих руках свобода слова, тот и… это самое… и прав.

4 декабря 1989 года я послал в «Русскую мысль» полемизирующую с работой Шафаревича «Две дороги к обрыву»

статью «Дороги И.Р.Шафаревича к обрыву». Эта статья, поначалу, было, поставленная в номер, была отвергнута, как через силу признался мне В.А.Сендеров, из-за критики позиции только что умершего А.Сахарова. Но статья-то лежала в «Русской мысли» уже 10 декабря, *до* кончины Сахарова. Что же: демократы, вроде бы выступавшие против культа личности, творят новый, демократический культ личности Сахарова? Безусловно. Так и не напечатали. Статью, запрещенную к публикации свободной парижской «Русской мыслью» (а где я еще в 1989-м мог ее напечатать?), так и оставшуюся неопубликованной, читатель может прочесть в этой книге.

Поправлять надо всех, особое внимание обращая на тех, кого поправлять не разрешают.

Ленина, выходит по Гинзбургу, Маркса мне поправлять можно, потому что это «наших» не обидит, а вот Сахарова – никак нет, потому что это «наших» обидит, потому что обидит влиятельную Боннэр и ее окружение.

В газете «Известия» за 31.12.1997г. помещено ценное признание: «Цивилизованный мир, ужаснувшись (речь идет о публичной казни, совершённой в Грозном на площади Дружбы народов. – Вазиф Мейланов), задумался о том, какой же режим утвердился там после завершившейся *войны, в ходе которой прогрессивная общественность выступала на стороне чеченского сопротивления*».

«Прогрессивная общественность»? А что это такое? Это

что ли сословие? Или как-то иначе выделенная часть человечества, которая всегда права? или, хотя бы, всегда прогрессивна? А может «прогрессивная общественность» в одних вопросах быть правой, а в других ошибаться, и уже потому представлять угрозу для человечества? А из кого состоит «прогрессивная общественность»? Из тех, кто заявляет, что из них и состоит «прогрессивная общественность»? С «прогрессивной общественностью» та же история, что с известной партией – авангардом всего прогрессивного человечества: нет никакой «прогрессивной общественности», правильно отвечая на одни вопросы, любая общественность опасно-неправильно отвечает на другие. *Спасение только в одном – слушать и тех, кто против.*

Цивилизованному миру грозит стать нецивилизованным, если он и дальше будет слушать одних только боннэр-сендеровых-гинзбургов-ковалевых, присвоивших себе монополию на прогрессивность и демократию.

В августе 1989 года г-н Гинзбург отказался печатать мое обращение к съезду депутатов Советского Союза с требованием проведения Суда над компартией и коммунистической идеологией (оно напечатано в настоящем издании). Сегодня г-жа Боннэр жалуется-вздыхает: мы не провели суда над компартией… Так я же предлагал! А Валерий Сендеров мне возражал: «Нас мало, а коммунистов 20 миллионов. Общество не готово». – «То же мне говорили в 1980-м году: вы один, общество не готово. Так я своим выступлением его и

подготовил к сегодняшнему, 1989-го года, дню. Публикация моего обращения и будет подготовкой и нашего общества и человечества к Новому Нюрнбергу». – «Я, конечно, пошлю твое обращение, а там как они решат». – «А они не имеют права решать! Они обязаны публиковать».

«Ваши» (сендеровы-гинзбурги, сванидзе-попцовы), «ваши» виноваты.

«Себе во благо обращу дурное».

Но дурное не просто позволяет обращать себя во благо: меня лишили работы «в связи с прекращением финансирования» моих работ: дурное велит финансировать преступников, «ученых», коммунистов, демократов, ловко устроившихся в сегодняшнем уголовно-демократическом обществе, но только не меня.

Кстати, сообщаю дагестанцам, наивно полагающим, что я депутат то ли народного собрания, то ли Госдумы, что правительство создало специально для меня некий институт, директором которого я все эти годы являюсь, что я занимаю некий пост то ли в Совмине, то ли в администрации города: после возвращения в Дагестан из ссылки 25 декабря 1988 года я работал на оплачиваемой должности только три года – 94-й, 95-й, 96-й – старшим научным сотрудником Института социально-экономических исследований дагестанского отделения Российской Академии наук. Из чего следует, что в течение семи лет: в годы 1989, 90-й, 91-й, 92-й, 93-й, 97-й, 98-й Вазиф Мейланов дарил своими объяснениями, предо-

стережениями и предложениями народы Дагестана и России бесплатно.

* * *

Тексты, собранные в этой книжке («Опыт частной политической деятельности в России» – ред.) не просто слова, а действия, ценность которых еще и в том, что они совершались *вто время.* Они и должны сохранить отпечаток того времени, потому я привожу их, практически, без изменений.

Время превратило тексты моих выступлений в документы. Их особая доказательная сила в том, что все в них сказанное *сказано до событий.*

14 ноября 1998 года
Предисловие к «Анализу чеченского кризиса» издания 1999 года

В ноябре 1998 года я издал, тиражом в сто экземпляров, книгу «Другое небо. Ложные стереотипы российской демократии. Анализ чеченского кризиса». Я пытался в течение трех месяцев, с марта по июнь 1999 года, издать книгу в Москве – не получилось. Я ходил в «Мемориал» (Татьяна Бахмина), встречался с Людмилой Алексеевой («Московская Хельсинкская группа»), звонил в Фонд Сороса (Покрасс: «А вот как раз издание таких книг, как Ваша, фонд Сороса и запрещает финансировать»), обращался в издательства «Ad Marginem» («Нет средств»), «Терра» (Ирина Опимах: «Мы коммерческое издание»), «Слово», «Академия-центр» (Антонина Аншукова: «Мы хотим Вас издать. Только дайте нам тысячу долларов»), «Вагриус», «Дело», «Русский путь» («Издаем только Солженицына и мемуары людей, которых он знал в годы эмиграции»), «Московский университет», журналы «Новый мир» (Юрий Кублановский: «По Чечне мы уже давали материал в декабре 95-го, второй статьи на ту же тему давать не будем») и «Знамя» (Юлия Рахаева: «Вы, наверное, считаете себя самым смелым? Ваша статья по Чечне устарела»), к предпринимателю Александру

Паникину («Наши взгляды по некоторым линиям расходятся»), в «Фонд защиты гласности» (Олег Панфилов), «Общую газету» (Дмитрий Горбанев), «Новую газету» (Зоя Ерошок), в объединение «Яблоко» (Вячеслав Игрунов), в НТВ (Евгений Киселев), в МВД РФ, послал книгу (по его просьбе) и письмо Анатолию Щаранскому (не найдет ли фонда, который согласится финансировать издание). Ничего. Пока ничего.

В 1998 году я обратился к министру по делам национальностей и информации Дагестана Гусаеву, к председателю правительства Дагестана Шихсаидову с требованием выделить деньги на издание моей книги «Другое небо». В выделении средств на книгу, готовящую дагестанцев, всю Россию и мировое общественное мнение к противостоянию расчеловеченным освободителям, мне было отказано («Нет средств»).

И только МВД России хоть и сослалось на отсутствие средств, ответило правильно: «Уважаемый Вазиф Сиражутдинович! От имени Министра внутренних дел России выражаем Вам признательность и благодарность за вашу книгу «Другое небо». Уверены, что данный труд внесет значимый вклад в формирование у граждан России правового сознания».

Поэтому – нет средств – из пятисот страниц книги «Другое небо», выпущенной в 1998 году, я сегодня перепечатываю только восемьдесят страниц – «Анализ чеченского кри-

зиса».

Первые 18 параграфов «Анализа» были сброшюрованы уже в начале 96-го и розданы, по их просьбе, некоторым депутатам Госдумы, в марте 1996-го я послал эти же первые 18 параграфов президенту Ельцину, получил ответ из канцелярии: «Ваше обращение к президенту передано для изучения в аналитический центр при администрации президента». Свое послание президенту я снабдил небольшим письмом, которое привожу без изменений в этой книжке.

Дагестанцам сегодня, думаю, не очень хочется вспоминать свою позицию 91-99 годов по Чечне. Мне приходилось все эти годы воевать одному – и против идеи суверенитета Дагестана и против героизации чеченских уголовников-освободителей. Чем же кончилось дело? Расскажу историю. Один из моих хороших знакомых Али Магомедов, лакец, был ярым сторонником чеченцев. Наши начинавшиеся на улице дискуссии не раз заканчивались у меня на квартире. В последние два года он как-то пропал из виду. Во время Дагестанской войны с чеченцами моя жена пошла в военный комиссариат Махачкалы, чтобы выразить свое возмущение пассивностью пропагандистской машины российских военных, не дающей ответа на обвинение в том, почему же заранее, до нападения чеченцев, не была укреплена Дагестано-Чеченская граница. У комиссариата она встретила Али. Он оказывается уже несколько дней просится на фронт: «Не доверяют… я говорю им: я артиллерист, разрешите мне хоть

вдали от линии фронта помогать армии, разрешите хоть подносить снаряды…».

Прозрел…

Почему границу не укрепляли российскими войсками? Я отвечу. Потому что вы, дагестанцы, гордились победой чеченцев в 1996 году, потому что ваши деятели: братья Хачилаевы, Гаджи Махачев, Деньга Халидов, Магомед-Расул Магомедов, Али Алиев, Фатхулла Джамалов, Адалло Алиев, Мамайхан Агаларов грозили России Второй Кавказской войной, устраивали митинги с записью добровольцев в чеченскую поработительную армию, требовали открытой границы с «братским чеченским народом». Не укрепляли границу, потому что не доверяли дагестанцам. А не доверяли потому, что дагестанцы позволили чеченцам взять на территории Дагестана, в Хасавюрте, в заложники российских солдат, потому что Магомедали Магомедов не поддержал ввода войск в Чечню в 1994 году и, ссылаясь на мнение народа, препятствовал вводу российских войск в Чечню с территории Дагестана.

Я неспроста привел отзыв Юлии Рахаевой. Кажущиеся нелепыми и не относящимися к делу слова «Вы, наверное, считаете себя самым смелым?» очень даже относятся к делу. *И объясняют сопротивление мне* Магомедали Магомедова, Салиха Гусаева, Хизри Шихсаидова, Ильяса Умаханова, фракции «Демократический выбор России», фракции «Яблоко», журналов «Новый мир» и «Знамя», Александра

Паникина, «Новой газеты», канала НТВ – вся эта публика стремится не допустить выхода нового человека на идеологическое поле. Ведь трущимся у кормила власти надо укреплять «в народе» мнение, что это они «самые смелые», самые умные. А выйди этот новый, окажется, что они далеко не самые смелые, далеко не самые умные и уж совсем не самые честные.

Корыстная заинтересованность людей власти в личном статусе, а не в общественном благе мешает обществу свободно дышать. Власть (особенно власть в Дагестане) работает не на общество, а на себя. Народ считает дагестанскую власть коррумпированной. Работа следственной группы В.И.Колесникова в Дагестане доказывает основательность народного мнения: людьми, назначенными председателем Госсовета Дагестана Магомедали Магомедовым и председателем правительства Дагестана Хизри Шихсаидовым, разворовывались не только бюджетные средства, но и природные ресурсы Дагестана.

Чеченскими террористами, вторгшимися в Дагестан, ставка делалась на тихую ненависть народа к своей нынешней власти. В период войны народ Дагестана оказался между волком и собакой. Волк изуверствовал, косил всех подряд, лишал людей духовной свободы, не оставлял обществу видов на будущее. С волком *вроде бы* справились.

Но вот с собакой коррупции, с собакой тотального обкрадывания народа властью, справляться еще не начинали, это

война будет куда труднее первой.

Почему я пишу «*вроде бы* справились»? Потому что с волком справимся окончательно, когда окончательно справимся с собакой.

* * *

Жить именно в Дагестане было необходимым условием понимания ситуации. Необходимым, ибо дагестанцы по образу жизни, образу мыслей, системе ценностей всего ближе к чеченцам. Я живу в зоне действия теологии насилия, я взаимодействую с носителями этой теологии и населением, подверженным действию чеченского примера. «Живя в большом центре, в Москве, нельзя знать истинного положения страны. Нужно жить в провинции, в близком соприкосновении с повседневной жизнью, с ее нуждами и бедствиями, с голодающими – взрослыми и детьми[...], чтобы узнать правду о теперешних переживаниях» (П.А. Кропоткин в письме 1920 года Ленину. Цитирую по послесловию В.А. Твардовской в книге П.А.Кропоткина «Записки революционера», Москва, Мысль, 1990, стр. 480).

Потому я, наверное, так нетерпим к недобросовестным авторам «точек зрения», берущимся решать задачу, не зная даже близко ее условий.

Ответ г-же Ю. Рахаевой: мой анализ, если был верен в 95-

м, уже устареть не может: истина, как вино, от времени не стареет, а крепнет.

3 октября 1999 года
Предисловие к «Анализу чеченского кризиса» издания 2001 года

В чеченском конфликте я считаю чеченцев, Чечню неправой стороной. Я указываю на повсемирную ошибку демократов: поддержку национально-освободительных движений (я доказываю, что они неизбежно национально-поработительные), национально-освободительной морали, разрушающей понятие человека и единство человеческого рода. На «смертельную опасность Чечни, чеченизма, чеченской морали и чеченского целеполагания для всего человечества».

Чечня не одномерная и не локальная проблема, это проблема системная, всемирная.

Сегодня я вспоминаю свой разговор с И.Р. Шафаревичем в 1977 году: в ответ на мою программу преодоления коммунизма свободой слова он заметил, что в этом случае диктатура компартии сменится диктатурой редакторов газет и телевидения. Его прогноз оказался верен. Правда, это не возражение против свободы слова: ведь диктатура редакторов не есть свобода слова. Это констатация необходимости трат энергии на обеспечение свободы слова. Он указал на фундаментальный пример с пол-потовской Камбоджей. Первые сообщения журналистов о массовых расстрелах пол-потов-

цами мирного населения Камбоджи просто не пропускались в печать: ни в печать стран коммунистического блока, ни в западную печать. Западные средства информации считали, что того, о чем свидетельствуют журналисты, не может быть. А если может быть, то об этом не следует писать: это помешает разрядке и обострит противостояние двух систем. Пол Поту пришлось истребить почти половину населения Камбоджи, чтобы заставить свободную печать Запада написать о происходящем. Мировое общественное мнение не сразу поверило: «мы же видим наших западных коммунистов, наших левых, Сартра, Маркузе, – нет, коммунисты такого сделать не могут».

В 1919 году на 7-м Съезде Советов Ленин зачитал письмо, подписанное 70 европейскими интеллектуалами, включая Анатоля Франса, в котором опровергались сообщения западных газет о зверствах большевиков. Анатоли франсы писали, что такого не может быть: ведь большевики за свободу, за трудовой народ, за равноправие.

Это закон природы: недалекие гуманисты, нежелающие вникать в подробности (сиречь в условия задачи), неизбежно оказываются пособниками организаторов массовых убийств. Не избежали этого закона и наши, и не наши недалекие демократы – они оказались пособниками организаторов этнических чисток. Но главная ошибка российских, американских и европейских демократов была не в неверном понимании происходящего в Чечне. *Главная ошибка была не содержа-*

тельной, а процедурной – а потому не ошибкой, а моральным преступлением: демократы препятствовали ознакомлению мирового сообщества с иной, нежели у записных демократов, точкой зрения на происходящее в Чечне. *Борцы за свободу слова обернулись злейшими врагами свободы слова и пособниками террористов.* Механизм разрушения свободы слова был очень прост – деньги. Ведь российская (а пока и всякая иная) демократия финансируется Западом. А Запад финансирует только свою точку зрения.

(Мне недавно принесли распечатку статьи Михаила Кордонского «Как получить грант?», помещенной в интернете (статья датирована 17 января 2003 года).

В статье в частности утверждается: «Необходимо иметь мировоззрение и быт «среднего класса» и политические взгляды США или Европы: приличную квартиру, манеры поведения, одежду (как и в случае с офисом, важно не переборщить), быть против смертной казни и войны в Чечне, за бомбежки Югославии и Ирака, демократию и свободную рыночную экономику, против зависимости стран бывшего СССР от России, за снижение рождаемости, против ввоза ядерных отходов, вредных производств, загрязнения среды и т п.».

В «необходимое мировоззрение» входит, в частности, такое определение понятия нарушения прав человека: «Нарушением прав человека по-грантовски считаются только античеловеческие действия со стороны государства. Как гово-

рил главный правозащитник России Сергей Адамович Ковалев: «Если на улице кто-то ударил вас по лицу – это не нарушение прав человека». Если милиционер ударил, тогда – да, нарушение».

И в том же абзаце перечень «акций протеста», оплачиваемых грантодателями: «Любые публичные (хотя бы несколько десятков человек) акции протеста, направленные на ослабление государства, имеют большие шансы на оплату. Неплохо еще проходят судебные процессы против органов власти, при условии, что процесс широко освещается средствами массовой информации». – Примечание 9 марта 2003 года)

Теперь у меня есть свидетельские показания, подтверждающие мою формулу (1995 года) вычисления реакций российской демократии на внешние раздражители. Теперь очень понятны отказы финансировать издание моей книги «фондами гласности», «хельсингскими группами», «открытыми обществами» и т д. (Примечание 9 марта 2003 года). Эта точка зрения гласит: «Демократическая, но все равно страшно имперская Россия опять, как в былые времена, стремится грубой силой подавить, а пожалуй что и уничтожить, свободолюбивый чеченский народ, ведомый бескорыстными, благородными борцами за свободу».

Вот выдержка из письма Татьяны Курбановой ко мне:

«…В. прочитал Чечню и Заметки на полях… Про Чечню он сказал следующее: что он потрясён, абсолютно согласен, но издать это невозможно, потому что это противоречит

всем московским взглядам и – ещё больше – тому, что хочет слышать от России Запад. То есть ни один западный фонд не даст денег на публикацию книги. Он постоянно связывается со всякими фондами и издаёт книги, так что мнение, в общем-то, компетентное, но, мне кажется, он несколько лукавит, говоря «все». Хочет с Вами познакомиться. До свиданья! Татьяна».

Ко мне в этом году пришёл пишущий о Кавказе для западных газет журналист Наби Абдулаев, он сообщил мне, что за изложение в частном письме влиятельной американской журналистке, советнику госдепа США, Джоан Бичер-Эйркрохт моей точки зрения на происходящее в Чечне и вопрос можно ли ему предать её гласности, советник госдепа пригрозила ему диффамацией и лишением возможности публиковаться на Западе.

После вторжения чеченских освободителей в Дагестан и атаки террористами Нью-Йорка мои прогнозы и оценки обрели статус сбывшихся предсказаний. Вот только одна цитата: «На мой взгляд, европейские государства не видят в Чечне – в этой пока ещё точке, горящей на карте мира, – источника возможного мирового конфликта, в котором, если он разразится, мне думается, России и Западу быть в одном стане».

Я веду спор с российской демократией с 1988 года – начала моей якутской ссылки.

Судить чьё понимание природы вещей оказалось глубже

предоставляю читателю.

АНАЛИЗ ЧЕЧЕНСКОГО КРИЗИСА
Ноябрь 1995 года.

Введение

Сегодня одной из главных проблем политического обеспечения реформ в России и Дагестане является проблема Чечни.

Чечня с первого дня конфликта стала не только внутренним делом России уже потому, что сама Россия, а значит и ее внутренние дела, представляют интерес почти для всех стран мира.

Чечня стала международной проблемой, потому что международной проблемой является Россия.

Я считаю, что необъективное, пристрастное, корыстное освещение и толкование событий в Чечне, в частности, действий федеральных властей, объясняется ближними интересами европейских государств.

На мой взгляд, европейские государства не видят в Чечне – в этой пока еще точке, горящей на карте мира, – источника возможного мирового конфликта, в котором, если он разразится, мне думается, России и Западу быть в одном стане.

Сегодня же Запад ломает Россию, демагогически используя демократическую риторику.

В последнее время, похоже, начался процесс трезвения, который неизбежно приведет к учету не только ближних, но и дальних интересов европейских стран, человечества и мировой цивилизации.

В ходе уже почти годичной чеченской кампании, на мой взгляд, крупнейшей ошибкой была необеспеченность ее пропагандистской, в хорошем смысле слова, кампанией. Мне уже приходилось говорить по поводу внутридагестанских конфликтов 90-92 годов, что любое применение силы должно быть обеспечено позицией морального верха стороны, применяющей силу: содержательным анализом сути конфликта, введением в общественный оборот мощного пласта фактических данных, доказательством того, что иные средства разрешения конфликта исчерпаны.

Федеральной властью не было сделано ни первого, ни второго, ни третьего.

Обществу не была доказана моральная правота действий федеральных властей и преступность действий и политических целей дудаевского режима.

Это сейчас, сегодня, с экрана нет-нет да брызнет: «В Чечне мы воспитали нового дуче…» Эти утверждения необходимо было делать и, что важнее, доказывать до начала боевых действий в Чечне.

Этого сделано не было.

Федеральной власти в Чечне противостояли не только дудаевцы, криминалы и поддавшиеся дудаевской пропаганде чеченцы. Федеральной власти противостояла вся нынешняя демократическая интеллигенция, вся нынешняя демократическая номенклатура.

За полгода до начала войны в Чечне я предсказал поведение московской интеллигенции: «Беда нынешнего нашего государства в том, что оно стесняется запрещать (не дай бог какой-нибудь Леонид Никитинский или Александр Кабаков или Людмила Сараскина или Анатолий Стреляный заголосят, что запрет этот знаменует конец российской демократии)…» (Газета «Другое небо», N3, август 1994 года, стр.5).

Все указанные мною персоналии высказались по Чечне именно так, как я предсказывал. И, конечно, не только они. Вот заявление председателя партии «Демократический выбор России» Егора Гайдара от 11 декабря 1994 года: «Мы убеждены, что штурм Грозного не только аморален и незаконен, но и абсолютно бессмысленен. Последствием штурма будет волна насилия, которая захлестнет не только Северный Кавказ, но и всю Россию, приведет к установлению в стране режима полицейского государства. Это будет концом российской демократии» («Политический курьер партии «Демократический выбор России», N1, 1995г., стр. 36). *Последние слова – дословное воспроизведение моего прогноза*

о реакции государственных демократов на попытку демократического государства обеспечить соблюдение демократических законов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.